

УДК 316.7:303.4"19/200"

О. М. Соколова

Культура коммеморации в контексте мемориальных исследований XX – начала XXI в.

Выявляются основные направления исследований культуры коммеморации. Автор приходит к выводу, что ключевым аспектом в работах ученых, фокусирующихся на мемориальных исследованиях, является этическое измерение прошлого. В свою очередь коммеморация выражает аксиологические основы мировоззрения социума, выполняя прежде всего интегративную функцию. Рассматривая проблему адаптации терминологии, автор раскрывает сущность понятия «культура коммеморации».

Делается заключение, что приоритетной для научного поиска проблемой в контексте коммеморативной культуры являются военные события и конфликты. Оцениваются актуальность и перспективы подобных исследований в современном научном дискурсе.

«Мемориальная культура» (культура памяти) – центральное понятие трудов исследователей, ведущих научный поиск в контексте memory studies. Под ней подразумевается культура отношения к прошлому («освоения прошлого»), сложившаяся на рубеже XX–XXI вв., обусловленная глубинными изменениями системы ценностей современного мира [15, с. 32].

Цель статьи – выявить направления научных исследований коммеморативной культуры в контексте смены мировоззренческих парадигм.

А. Ассман выделяет три аспекта мемориальной культуры: плюрализация обращений к прошлому, его освоение определенной социальной группой и этическое измерение [4]. Обращаясь к работам К. Ясперса («Духовная ситуация времени», 1932) и Х. Арндт («Истоки тоталитаризма», 1951), исследователь говорит об этическом измерении воспоминаний как о новом явлении в культуре памяти, получившем распространение к концу XX в. [2, с. 47, 48]. Отметим, что проблемы этического императива были подняты на рубеже XIX–XX вв. представителями венской школы искусствознания А. Риглем и М. Дворжаком, стоявшими у истоков становления системы охраны памятников в Центральной Европе¹.

В монографии «Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur: Eine Intervention» («Новое недовольство мемориальной культурой», 2013) А. Ассман обосновывает современное явление – негативную (травматическую) память наряду с традиционными формами воспоминания – мученичеством или героизацией [3]. Ключевыми фигурами нового типа мемориальной культуры, по мнению исследователя, становятся

¹ Dvořák M. Katechismus der Denkmalpflege. – Wien : J. Bard, 1916. – 140 S. ; Riegel A. Der Moderne Denkmalkultus: Sein Wesen und seine Entstehung. – Wien und Leipzig : W. Braumüller, 1903. – 145 S.

ся не герои-победители и герои-мученики, которые погибли сражаясь, а безвинные жертвы. Как отмечает О. Б. Леонтьева, «...особенностями “новой мемориальной культуры” Алейда Ассман считает, во-первых, “этический поворот” – критическое осмысление истории с точки зрения жертв, с помощью категорий вины и ответственности; во-вторых, “глобализацию памяти”, благодаря которой возникло транснациональное моральное сообщество, выступающее в качестве “апелляционной инстанции” и объединенное признанием универсальной ценности прав человека» [15, с. 37].

Формирование мемориальной культуры в современном понимании, согласно А. Ассман, произошло в 1980–1990-е гг. Нормативной основой культуры памяти стали «права человека, эмпатия по отношению к жертвам нацистского режима и идея сострадания в целом. Именно это позволило Германии стать частью транснационального (то есть американо-западноевропейского) сообщества памяти, которая направлена в будущее» [11].

Полемизируя с теми, кто, сомневаясь в ценности мемориальной культуры, предлагает забыть травматическое прошлое и начать строительство новой идентичности на базе позитивных ценностей, обосновывая это тем, что излишняя заикленность на памяти ведет к конфликтам, А. Ассман утверждает: «Мемориальная культура включает в себя собственную причастность к вине за совершенные преступления и сочувствие к чужому страданию, поэтому негативное бремя истории может быть преобразовано в прогрессивные ценности» [цит. по: 11]. «Воспоминания об исторической вине впервые открывают для национальной памяти возможность признать историю жертв, что сопровождается актами реституции и новыми мемориальными практиками, которые способствуют интеграции общества», – полагает ученый [3].

Обращаясь к проблемам политики памяти, К. Пахалюк задается вопросом: «имеет ли право столь популярный дискурс “виктимизации” рассматриваться как проявление глобальной культуры памяти?» [21]. Исследователь отмечает, что «даже на межгосударственном уровне историческое примирение есть очень противоречивый и долгий процесс, который еще более осложняется, когда количество участников возрастает более двух. Так, ЕС (как один из наиболее ярких и успешных примеров региональной интеграции) сумел пройти достаточно долгий путь, чтобы скоординировать и выработать общую экономическую, военную и внешнюю политику, в то время как успех общей культурной политики вызывает, мягко говоря, большие споры. И это несмотря на то что – казалось бы! – европейцев много чего объединяет. Общее прошлое, римское наследие, приверженность идеалам демократии и прав человека – все это пока еще не позволяет преодолеть существующие конфликты и разногласия, в том числе имеющие “историческую окраску”» [Там же].

Он ставит под сомнение прогрессивный потенциал глобальной памяти, вместе с тем подчеркивая, что национально-ориентированная память способствует формированию общности, что является одним из гарантов социальной стабильности.

Важность затрагиваемой исследователями проблематики позволяет говорить об актуальности и насущности изучения различных аспектов культуры памяти, предопределяющей динамику культуры в целом.

В терминологическом дискурсе мемориальных исследований значимое место занимает понятие «культура коммеморации» (коммеморативная культура, культура увековечения), которое опирается на концепты коллективной/социальной/исторической/культурной памяти, разрабатываемые в XX в. такими учеными, как Э. Дюркгейм, Т. Адорно, А. Варбург, М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Хаттон, П. Нора, П. Рикёр и др.²

Г. Ю. Глущенко подчеркивает, что «идея коммеморации как возможности сохранить и понять свою историю, вновь обрести свою культурную и историческую идентичность является одной из существенных сторон проблематики памяти» [10].

Наше исследование не затрагивает проблем выявления семантических различий и определения выбора употребления терминов, однако анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что мемориальная культура (культура памяти) – понятие более широкое, включающее в том числе коммеморативную культуру. Встречаются и альтернативные мнения, что свидетельствует о неустоявшейся терминологии.

Так, Ю. В. Павлова отмечает, что коммеморативная культура и мемориальная культура являются синонимами в англоязычной научной традиции [20, с. 451]. Такого же мнения придерживается А. В. Святославский, поясняя, что «мемориальная культура (культура увековечения, коммеморативная культура) отвечает за процесс формирования образов в культуре настоящего для последующей трансляции в будущее» [26, с. 10]. Он правомерно полагает, что культура коммеморации – компонент культуры памяти. «Внутри области культуры памяти выделяется сфера намеренной коммеморации, представленная как совокупность мнемических практик, порождающих коммеморативные знаки», – отмечает ученый [27, с. 4]. «Термин же “культура памяти” является более об-

² Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с. ; Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. – 1989. – Vol. 26. – P. 7–24 ; Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с фр. – М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с. ; Halbwachs Maurice. La Mémoire collective [1950] // The Collective Memory / translated by F. J. and V. Y. Ditter. – N. Y., 1980. – P. 50–87 ; Halbwachs M. Les Cadres Sociaux de la Mémoire. – Paris : Presses Universitaires de France, 1925. – 211 p. ; Hutton Patrick H. History as an Art of Memory. – Hanover, London : Univ. of Vermont, 1993. – 255 p. ; Hutton Patrick H. The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History. – New York : Palgrave Macmillan, 2016. – XII+234 p.

щим, он охватывает также явления, не связанные с прямыми акциями намеренного увековечения. Кроме того, и это немаловажно, он включает такое явление, как социальное забвение» [26, с. 11].

А. Ассман смыслово и контекстуально отождествляет понятия «культура памяти» (в немецком языке – «Erinnerungskultur», в англоязычной традиции – «memory culture») и «мемориальная культура» [1], о чем свидетельствуют и русскоязычные переводы ее трудов. В монографии «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика» («Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik», 2006) А. Ассман исследует в контексте трагической истории XX в. индивидуальную, коллективную, социальную, политическую, национальную, культурную и другие виды памяти, которые включает в проблемное поле мемориальной культуры, или культуры памяти [2]. К такому же выводу на основе ее трудов приходят и другие исследователи, например, белорусский историк А. Браточкин [6].

А. Г. Васильев считает, что предпочтительнее употреблять вместо понятия «память» термин «воспоминание», поскольку это «позволяет подчеркнуть процессуальный характер феномена – не статичного набора сохраняемых в неизменном виде идей и образов, а непрерывного процесса конструирования и реконструирования образов прошлого. Именно поэтому в соответствующей англоязычной литературе вместо “memory” сегодня чаще говорят “remembering”, а в немецкоязычной – “Erinnerung” вместо “Gedachtnis”» [9].

Специальных исследований, в которых бы аргументированно и доказательно разграничивались приведенные термины, нами выявлено не было. Чередование определений в одной и той же смысловой позиции встречается в большинстве работ, что не умаляет научного вклада ученых в проблему.

Изучив вышеизложенные точки зрения, мы полагаем правомерным использовать в качестве синонимов понятия «*коммеморативная культура*» и «*культура коммеморации*», рассматривая их как компонент мемориальной культуры, или культуры памяти. Можно провести параллель с употреблением термина «*memory studies*», который в русскоязычном дискурсе трактуется как *мемориальные исследования и исследования памяти* [24].

Что касается истолкования понятий «коммеморативная культура» и «коммеморация», то формулировки исследователей в целом схожи.

«Под коммеморативной культурой понимается весь набор практик поминовения и увековечивания, который присущ данному обществу на протяжении определенного достаточно продолжительного периода времени. Культура коммеморации служит пространством передачи социального опыта, существования социальной памяти», – отмечает Ю. В. Павлова [20, с. 451].

А. Мегилл полагает, что коммеморацию формирует отношение к прошлому, его репрезентации, которое существует в обществе в настоящем, поддерживая чувства единства, общности, связи сограждан [16, с. 116].

Термин «*коммеморация*» (от лат. *commemoratio* – напоминание) в научный обиход введен французскими историками в 80–90-е гг. XX в. Так, автор концепции «мест памяти» Пьер Нора говорит о современности как об «эре коммемораций» («*L'ère de la commémoration*»), когда целенаправленно конструируются места памяти [18]. «В узком смысле слова – это увековечение памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, массовые мероприятия и многое другое. Это могут быть и различные артефакты, и идеи, и тексты – то, что позиционируется как мемориальная деятельность. В широком смысле – это все, что связывает человека с его прошлым» [23, с. 82, 83].

Согласно концепции основоположника исследований коллективной памяти М. Хальбвакса, коммеморация – это все те многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [29, р. 82]; это «процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, ...служит выражением солидарности группы» [цит. по: 12, с. 272; 34, р. 6, 7].

«Под культурой коммеморации мы понимаем культуру увековечения, в основе которой лежит социокультурная деятельность, связанная с формированием такого явления, как памятник. В ходе такой деятельности происходит обращение к образам как прошлой, так и современной действительности, которые обрамляются, пользуясь понятием Хальбвакса, в “рамки памяти” особенностями порождающего памятник конкретного культурного дискурса. В конечном счете, культура коммеморации служит передаче социально значимых ценностей из прошлого в будущее», – отмечает А. В. Святославский [26, с. 91].

Особо в работах исследователей подчеркивается, что коммеморация – это сознательный, намеренный социальный акт [27, с. 4; 23, с. 83; 25, с. 22–26; 34].

Коммеморация выражает мировоззренческие аксиологические основы социума и выполняет интегративную функцию. Согласно концепции коллективной памяти Э. Дюркгейма, «ощущение общего прошлого играет существенно важную роль в создании и поддержании социальной солидарности» [цит. по: 7, с. 145–146], исторической преемственности, общей идентичности и стабильности.

Исследуя проблему коммеморации с точки зрения историографического подхода, М. Ф. Румянцева выделяет два ее вида: *естественный*, ос-

нову которого составляет классический тип рациональности – изучать, как было на самом деле, и *искусственный*, свойственный для неклассической и постнеклассической науки, – «превращение истории-памяти в историю-критику» (П. Нора), то есть социально ориентированное историописание, краеведческий вариант истории, в основе которого целенаправленное конструирование реальности [25], корректировка воспоминания о событии [33].

Конструирование социальной реальности, образов прошлого в контексте концептов «историческое знание» и «историческая реальность» – тема монографий И. М. Савельевой, А. В. Полетаева³.

В коллективной монографии, подготовленной Обществом интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук, «Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад» прослеживается, как сохраняется и передается информация о событиях, создаются и используются мифы, исторические образы, изменяется их восприятие в разные эпохи (Античность, Средневековье, Новое время); анализируются проблемы формирования и содержания представлений о прошлом в византийской, древнерусской, китайской, арабской, индийской, персидской, монгольской письменных традициях [19].

Особый интерес в рамках данного исследования вызвала глава, в которой А. Г. Васильев анализирует проблему мемориализации травмы в культурной памяти Польши периода разделов. Национальная история рассматривается как форма культурной памяти, обосновывающая общность и единство, «решающий источник легитимации прав наций на существование и независимость в определенных границах» [Там же, с. 814]. Автор развивает мысль о том, что в эпоху модерна (XIX в.) наиболее универсальной формой культурной идентичности стала нация, которая «стремилась предстать чрезвычайно древней» [Там же, с. 816], что обусловило востребованность образов прошлого. Отметим, что проявления этой тенденции наблюдались в конце XIX – начале XX в. в среде интеллектуалов Западной Европы и нашли отражение в работах В. Ластовского, Я. Станкевича и других деятелей белорусского национального возрождения, приверженцев теории Крывии (древней и могущественной прародины белорусов) [13].

Анализ литературы по теме исследования позволяет утверждать, что приоритетной для научного поиска проблемой в контексте коммеморативной культуры являются военные события и конфликты.

Люди, пережившие тяжелейшие испытания XX в., принадлежащие одному поколению или социокультурной группе, занимаются, по выра-

³ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 800 с.; *Их же*. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1 : Конструирование прошлого. – 632 с.; СПб.: Наука, 2006. – Т. 2 : Образы прошлого. – 751 с.; *Их же*. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М.: ГУВШЭ, 2004. – 56 с. – (Препринт WP6/2004/07).

жению Т. Адорно, «проработкой прошлого»⁴. Он настаивал на осознанном критическом осмыслении национального прошлого, на «проработке» его причин и последствий.

В монографию Д. Винтера и А. Проста, опубликованную в рамках издаваемой в Кембридже серии «Труды по социальной и культурной истории современной войны» («Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare», 2005), включены, кроме исследований историков, социальные и культурные интерпретации, мемуарная и популярная литература [38]. Д. Винтер и А. Прост приходят к выводу, что научная историография Первой мировой войны в основном представлена национальными школами, развивающимися обособленно. Общеввропейский взгляд на события 1914–1918 гг., отраженный в сборниках статей и редких книгах, является скорее исключением. Это объясняется различиями в восприятии опыта участия в войне разных европейских стран. На современном этапе, отмечают ученые, центральным направлением стала культурная история, история повседневности; преобладают исследования «человека на войне», а не «войны наций», что обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов, общей эскалацией насилия в минувшем столетии» [17].

Для А. Ассман основополагающей темой становится мемориальная культура Германии, «учредительным мифом» которой выступает негативная память о Холокосте и нацистском режиме [2–5]. По ее словам, мемориальная культура стала «базисом послевоенной системы ценностей, основой самосознания немцев, «несущей опорой гражданского общества»» [цит. по: 11].

Д. Леви и Н. Шнайдер исследовали Холокост как «историческую память», которая способствовала формированию глобального консенсуса по правам человека, послужила основой для интерпретации современных противоправных актов, таких как геноцид и этнические чистки, оказала решающее влияние на формирование международных прав человека, решение проблем правосудия, репараций и реституции [30].

Р. Цвигенберг истоки глобальной культуры памяти видит в вызвавшей ужас во всем мире трагедии Хиросимы, к которой привела технократическая цивилизация, когда технические достижения оказались поставлены на службу уничтожения [40]. Холокост и Хиросима, в понимании исследователя, – два взаимосвязанных столпа глобальной культуры памяти: «Формирование памяти об этих событиях было тесно связано со спасением веры в прогресс (и в проект модерна в целом). Другими словами, процесс коммеморации был связан не столько со стремлением

⁴ Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? : пер. с нем. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41).

“увековечить и почтить”, сколько с поиском ответа на вопрос “Как нам с этим жить дальше?”» [22].

В рамках социологического исследования белорусский ученый А. Ластовский разрабатывает тему особенностей исторической памяти на материале постсоветского выстраивания памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси, России и Украине [14].

В отличие от мирового тренда фокусировки памяти на травматическом опыте (Дж. Александер, Б. Гизен, Н. Смейлзер, П. Штомпка) [28], в белорусской мемориальной культуре (как и в российской [26, с. 101]) важнейшей темой остается память о героической победе в Великой Отечественной войне⁵.

В сборнике работ авторов из Австралии, Канады, Великобритании, Израиля и США «War Memory and Popular Culture: Essays on Modes of Remembrance and Commemoration» («Память о войне и массовая культура: Очерки моделей памяти и коммеморации», 2009) исследуется эволюция от традиционных (литературные произведения, архитектурные сооружения, фильмы, экскурсионные туры, сувенирная продукция) до современных форм сохранения памяти о войне (медиа, комиксы, веб-сайты и видеоигры). Исследователи размышляют над вопросами о предназначении новых форм памяти: служат ли они для запоминания или, напротив, забывания опыта войны, а также о роли коммеморации в современном национальном государстве [37].

Трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке стали отправной точкой для многих исследователей в области memory studies и теории культурной травмы. Дата 9/11 закрепилась в американской языковой традиции как важнейшая веха в истории мемориальной культуры США.

Террористические акты во Франции, Турции, Германии и других странах обусловили актуальность критического исследования культурного ответа на проблемы мигрантов, беженцев и т. п. Изучению проблемного поля под общим названием 9/11 посвящены учебные курсы. Например, в Лейденском университете в рамках курса «Working Through 9/11: Literature, Film, and Memorial Culture», опираясь на теории травмы и памяти, изучаются литературные стратегии и кинематографические методы, которые авторы и режиссеры используют для размышлений о политическом дискурсе после 11 сентября [39].

Д. Симпсон в монографии «9/11: The Culture of Commemoration» («9/11: Культура коммеморации», 2006) обращается к практикам поминовения военных событий в США и Великобритании, анализируя коммеморацию в этих странах с конца XVIII в. по настоящее время [35].

---

⁵ Соколова О. М. Величие подвига: сакрализация памяти о Великой Отечественной войне // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2019. – № 2 (32). – С. 22–28.

А. Папп в книге «Deleuze and Memorial Culture: Desire, Singular Memory and the Politics of Trauma» («Делез и мемориальная культура...», 2008) исследует современные формы общественного воспоминания. Опираясь на концепции Ж. Делеза, она анализирует Холокост, мемориал ветеранов войны во Вьетнаме, установленный в Вашингтоне, и другие коммеморативные практики и утверждает, что современная мемориальная культура способна заставить травматическую память работать позитивно. В одной из глав, посвященной теме 9/11, рассматривается влияние травмирующей памяти на жизнеспособность городского ландшафта, как в случае с Граунд-Зиро (Ground Zero – участок, на котором до террористической атаки 11 сентября, когда были разрушены «Башни-близнецы», располагался комплекс зданий Всемирного торгового центра) [32].

В контексте аналитических подходов к культурной памяти исследовались многочисленные конфликты памяти на постсоветском пространстве. По результатам изысканий была подготовлена монография «Memory and Theory in Eastern Europe» («Память и теория в Восточной Европе», 2013), посвященная анализу культуры коммеморации Восточной Европы [31]. Ее составители У. Блэкер, А. Эткинд, Д. Федор поднимают «вопрос о становлении особой субдисциплины – «восточно-европейских memory studies» [8].

«Память Восточной Европы не только имеет свои особые динамику и источники, но и сам культурный материал памяти также отличается от того, что стало общепринятым в Западной Европе», – полагают ученые [31, р. VII].

В рамках восточноевропейских мемориальных исследований опубликована коллективная монография «War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus» («Война и память в России, Украине и Беларуси», 2017), посвященная восточноевропейской политике памяти о событиях Второй мировой войны в постсоветском локальном, национальном и транснациональном контексте в свете вооруженного конфликта в Украине, начавшегося в 2014 г. [36]. Авторы намечают основные контуры взаимодействия между «войнами памяти» и реальной войной, документируют современные практики коммеморации Великой Отечественной войны (памятники, символы, нарративы) в обновленном значении темы войны в массовой культуре, в общественной и частной жизни, в продуцировании новых и реконструированных мифов.

Таким образом, актуальность и перспективность разработки данной тематики подтверждается массивом проанализированных источников и насущными проблемами, стоящими перед современным обществом: проработки травматического прошлого, преобразования его в прогрессивные ценности, способствующие разрешению конфликтов и примирению.

1. Алейда Ассман. «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика»: стенограмма московской презентации книги [Электронный ресурс] // Уроки истории. XX век. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/52273>. – Дата доступа: 26.09.2019.
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
3. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
4. Ассман, А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман ; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
5. Ассман, А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти / А. Ассман ; пер. С. Эрлиха // Историческая экспертиза. – 2017. – № 4. – С. 9–30.
6. Браточкин, А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» / А. Браточкин // Історія, пам'ять, політика : зб. наук. ст. / упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. – Київ, 2016. – С. 9–52.
7. Васильев, А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 2. – С. 141–168.
8. Васильев, А. Западные «места» – восточные «узлы» памяти: в поисках методов анализа культур воспоминания [Электронный ресурс] / А. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 3. – Рец. на кн.: Memory and Theory in Eastern Europe / eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – X, 279 p. ; Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration / eds. M. Bernhard, J. Kubik. – New York : Oxford Univ. Press, 2014. – XVIII, 362 p. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/3/zapadnye-mesta-8212-vostochnye-uzly-pamyati-v-poiskah-metodov-analiza-kultur-vozpominaniya.html>. – Дата доступа: 30.09.2019.
9. Васильев, А. Г. Пеняť ли на зеркало? [Электронный ресурс] / А. Г. Васильев // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – Рец. на кн.: Святославский А. В. История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/125_nlo_1_2014/article/10826/. – Дата доступа: 26.11.2019.
10. Глущенко, Г. Ю. Коммеморация как возможность истории. Анализируя Пьера Нора [Электронный ресурс] / Г. Ю. Глущенко // Молодой ученый. – 2015. – № 24. – С. 1172–1175. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/104/24502/>. – Дата доступа: 11.07.2019.
11. Завадский, А. Память о нацизме: между историзацией и морализацией (о книге Алейды Ассман «Новое недовольство мемориальной культурой») [Электронный ресурс] / А. Завадский. – Режим доступа: <https://www.colta.ru/articles/literature/10800-pamyat-o-natsizme-mezhdu-istorizatsiy-i-moralizatsiy>. – Дата доступа: 18.10.2019.
12. Красильникова, Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Е. И. Красильникова. – Омск, 2016. – 554 с.
13. Ластоўскі, А. «Больш чыстыя» / А. Ластоўскі // Наша гісторыя. – 2019. – № 7. – С. 40–43.
14. Ластоўскі, А. Гістарычная памяць у Беларусі: адметнасці і праблемы [Электронны рэсурс] / А. Ластоўскі // Беларускі калегіум. – Рэжым доступу: <https://belcollegium.by/alyaksej-lastouski-gistarychnaya-pamyac-u-belarusi-admetnasci-i-prablemy-leksyi-3-4/>. – Дата доступу: 08.08.2019.
15. Леонтьева, О. Б. Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман / О. Б. Леонтьева // Историческая экспертиза. – 2017. – № 4. – С. 31–46.

16. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2007. – 480 с.

17. Минц, М. М. Винтер Дж., Прост А. Великая война в истории: дискуссии и споры, с 1914 г. до настоящего времени (реферат) / М. М. Минц // Россия и современный мир. – 2014. – № 2 (83). – С. 120–132.

18. Нора, П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. – Дата доступа: 20.05.2019.

19. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2010. – 960 с. – (Образы истории).

20. Павлова, Ю. В. Роль школьного образования в процессе формирования социальной памяти и коммеморативной культуры [Электронный ресурс] / Ю. В. Павлова // Современные исследования социальных проблем = Modern Research of Social Problems : электрон. науч. журн. – 2015. – № 10 (54). – С. 447–455. – Режим доступа: www.sisr.nkgras.ru. – Дата доступа: 27.09.2019.

21. Пахалюк, К. Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы [Электронный ресурс] / Константин Пахалюк // Историческая экспертиза. – 2016. – № 3. – С. 33–48. – Режим доступа: https://istorex.ru/page/pakhalyuk_ka_globalnaya_kultura_pamyati_v_poiskakh_teleologicheskoy_perspektivi. – Дата доступа: 27.09.2019.

22. Пахалюк, К. А. Хиросима: от стратегии развития города к глобальной культуре памяти [Электронный ресурс] / К. А. Пахалюк // Историческая экспертиза. – 2016. – № 4. – С. 7–16. – Рец. на кн.: Zwigenberg, R. Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture / R. Zwigenberg. – New York : Cambridge Univ. Press, 2014. – XIV, 332 p. – Режим доступа: https://istorex.ru/page/pakhalyuk_ka_hirosima_ot_strategii_razvitiya_goroda_k_globalnoy_pamyati. – Дата доступа: 27.09.2019.

23. Романовская, Е. В. Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская, Н. Л. Фоменко // Власть. – 2015. – № 7. – С. 81–84.

24. Ростовцев, Е. А. Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. – 2014. – Вып. 2. – С. 106–126.

25. Румянцева, М. Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация / М. Ф. Румянцева // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 16–31.

26. Святославский, А. В. История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с.

27. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / А. В. Святославский. – М., 2011. – 506 с.

28. Cultural Trauma and Collective Identity / J. C. Alexander [et al.]. – Berkeley : Univ. of California Press, 2004. – IX, 314 p.

29. Halbwachs, Maurice. La Mémoire collective [1950] / Maurice Halbwachs // The Collective Memory / translated by F. J. and V. Y. Ditter. – New York, 1980. – P. 50–87.

30. Levy, D. The Holocaust and Memory in the Global Age / Daniel Levy, Natan Sznaider. – Philadelphia : Temple Univ. Press, 2006. – 240 p.

31. Memory and Theory in Eastern Europe / eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – X, 279 p.

32. Parr, Adrian. Deleuze and Memorial Culture: Desire, Singular Memory and the Politics of Trauma / Adrian Parr. – Edinburgh Univ. Press, 2008. – 216 p.

33. Schwartz, B. The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory / B. Schwartz // Social Forces. – 1982. – Vol. 61, № 2. – P. 374–402.

34. Sherman, D. J. The Construction of Memory in Interwar France / D. J. Sherman. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1999. – 448 p.

35. Simpson, D. 9/11/ The Culture of Commemoration / D. Simpson. – Chicago&London : The Univ. of Chicago Press, 2006. – 176 p.

36. War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus / ed. by Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, Tatiana Zhurzhenko. – New York : Palgrave Macmillan, 2017. – XXVII, 506 p. – (Palgrave Macmillan Memory Studies).

37. War Memory and Popular Culture : Essays on Modes of Remembrance and Commemoration / ed. by Michael Keren and Holger H. Herwig. – Jefferson, N. C. : McFarland, 2009. – VI, 206 p.

38. Winter, J. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present / J. Winter, A. Prost. – Cambridge etc. : Cambridge Univ. Press., 2005. – VIII, 250 p.

39. Working Through 9/11: Literature, Film, and Memorial Culture [Electronic resource] // Universiteit Leiden. – Mode of access: <https://studiegids.universiteit leiden.nl/courses/70655/working-through-911-literature-film-and-memorial-culture>. – Date of access: 29.11.2019.

40. Zwigenberg, R. Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture / R. Zwigenberg. – New York : Cambridge Univ. Press, 2014. – XIV, 332 p.

O. Sokolova

**Culture of commemoration in the context
of memorial researches of the XXth – beginning of the XXIst century**

The main research directions of the culture of commemoration are identified. The author concludes that a key aspect in the works of scholars focusing on the memorial researches is the ethical dimension of the past. In turn, the commemoration expresses the axiological foundations of a society worldview, performing primarily an integrative function. Considering the problem of terminology adaptation, the author reveals the essence of the concept of "the culture of commemoration".

It is concluded that military events and conflicts are a priority problem for the scientific research in the context of the commemorative culture. The relevance and prospects of such studies in modern scientific discourse are assessed.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 22.01.2020.